

характеръ, чѣмъ въ книгѣ: «Моя вѣра», гдѣ онѣ, будучи отрѣшены отъ настроенія и сведены къ внѣшнимъ поступкамъ, являются не столько религіозными, сколько соціальными правилами. Но если Православіе превосходитъ новую вѣру въ тѣхъ даже пунктахъ, которые считаются красою и вѣнцемъ послѣдней, если и ея общее представленіе добродѣтели, какъ побѣжденія плотскости духомъ, ниже ученія Православія, и въ этомъ отношеніи воспроизводитъ собою давно пережитую ересь манихеевъ, то можетъ ли новая вѣра соревновать Православію, если мы вспомнимъ его высшій идеалъ добра? Не будемъ повторять тѣхъ возвышенныхъ вѣрованій, которыя освѣщаютъ смысломъ жизнь православнаго христіанина, но укажемъ еще на одну добродѣтель въ области внутренняго настроенія нашего, отсутствіе которой въ новой вѣрѣ такъ сильно умаляетъ ея мораль предъ православною.

Если высшее добро заключается, по ученію новой вѣры, въ пожертвованіи плотскимъ себялюбіемъ, то православная вѣра призываетъ насъ къ высшему подвигу, къ жертвованію себялюбіемъ духовнымъ, къ *смирению*. Пусть смѣются надъ этою основною добродѣтельно свѣтскіе писатели, пусть говорятъ о какомъ-то благородномъ самолюбіи, о чести; но несомнѣнно, что Церковь, полагая въ основу нашей любви добродѣтель смиренія, не удаляется отъ ученія Христова, Который призывалъ къ Себѣ людей именно подъ знамя этой добродѣтели: «научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ». Но что высшаго даетъ эта добродѣтель для жизни? На это пусть отвѣчаетъ сама жизнь. Не мало бываетъ людей не себялюбивыхъ въ матеріальномъ отношеніи, честныхъ исполнителей долга, но почему у нихъ не клеится дѣла? Почему всего труднѣе встрѣтить единеніе и взаимное содѣйствіе именно между тѣми людьми, которые вмѣстѣ поставлены къ какой-либо идейной работѣ? Почему, чѣмъ достойнѣе бываютъ дѣятели по личнымъ качествамъ, тѣмъ менѣе они могутъ ужиться другъ съ другомъ, хотя бы и были свободны отъ корыстолюбія и чувственности? Потому что они не отказываются отъ своей гордости. Люди сталкиваются въ своихъ внѣшнихъ интересахъ и между собою борются; уступка этихъ интересовъ уничтожаетъ половину зла на землѣ. Но существуетъ еще злѣйшая борьба интересовъ себялюбія духовнаго или гордость—и тутъ-то только тотъ можетъ быть не вреднымъ, а полезнымъ членомъ общества, кто поступается